

ЭХО

הח

הח

Лирическая поэзия в переводе Адольфа Гомана

Антонио Мачадо

A.Machado

poemas

СТИХИ С ИСПАНСКОГО

adolf.goman@gmail.com

Антонио Мачадо

(1875 – 1939)

Tabla de contenido

Acerca de Machado

Del libro “Soledades. Galerías...”

La primavera besaba
Anoche cuando dormía
Yo voy soñando caminos
Caminante, no hay camino
A un olmo seco
Retrato

De la serie “Caminos”

Señor, ya me arrancaste
Dice la esperanza
Soñé que tú me llevabas
Una noche de verano
Allá, en las tierras altas

Canciones a Guiomar

I
II
III

Otras canciones a Guiomar

I
II
III
IV
V
VI

Оглавление

Об Антонио Мачадо

Из книги «Одиночества. Галереи...»

Весна поцеловала
Прошлой ночью мне снилось
Я иду, по пути размышляя
Путник, здесь нет дороги
К старому вязу
Портрет

Из цикла «Дороги»

Всё свершилось по воле Твоей, Создатель
Надежда мне шепчет
Меня ты вела
Однажды летней ночью
Туда, в высокогорье

Стихи к Гиомар

I
II
III

Другие стихи к Гиомар

I
II
III
IV
V
VI

VII
VIII

Dos sonetos

I
II

VII
VIII

Два сонета

I
II

Об Антонио Мачадо

Антонио Мачадо Роис (1875-1939) - испанский поэт и писатель «Поколения 1898», драматург, мыслитель и эссеист. Он родился в семье профессора с долгой либеральной традицией, его отец - известный коллекционер и издатель народных песен, легенд и пословиц, дед - основатель исследования доисторических памятников Иберийского полуострова. В 1883 году семья переехала в Мадрид, Антонио поступил в Свободный институт образования, а затем в Институт Сан-Исидро. В 1899 году он он прожил полгода в Париже.

Публиковать песни регулярно в журналах Мачадо начал с 1902 года, когда он встретился с лидером «испанского модернизма» Рубеном Дарио, который относился к нему с большим сочувствием. Первая книга поэзии Мачадо появилась в 1903 году вместе с «Меланхолическими мелодиями» Хуана Рамона Хименеса - эти два сборника положили начало испанской поэзии в новом столетии.

Позднее Мачадо много лет преподавал французский язык в провинциях: в Сории, Баисе, Сеговии. В 1927 году он был избран в Королевскую академию. С падением диктатуры Примо де Ривера и созданием республики Мачадо вернулся в Мадрид в 1932 году и преподавал в университете. Во время гражданской войны он поддерживал республиканцев. В 1937 году Антонио Мачадо был одним из авторов сценария короткометражного фильма о Федерико Гарсиа Лорке. Когда бои приблизились к Мадриду, поэт со своей пожилой матерью переехал в Валенсию, а оттуда в Барселону. В 1939 году Мачадо был вынужден покинуть Испанию. 28 января он, вместе с другими беженцами, пешком пересёк франко-испанскую границу, и спустя месяц скончался (через несколько дней умерла и его мать).

Мачадо отличался от большинства поэтов своего поколения близостью к традиционной народной поэзии. В качестве модели для него всегда был Шекспир. Во второй половине 1910 года Мачадо начал развивать идею сочинений в виде антологии нескольких воображаемых поэтов-философов, с именами и биографиями, два из которых были самыми стабильными - Хуан де Майрена и его учитель Абель Мартин. В сборнике поучений, высказываний и воспоминаний Хуана де Майрены Мачадо разработал версию философии, близкую к экзистенциализму.

Его стихи характеризуются сдержанностью, ясностью, серьезностью в самых драматических и интимных моментах. («Преступление было в Гранаде», «Стихи к Гиомар»).

Главной любовью Мачадо была Испания, но две женщины оставили яркий след в его жизни и творчестве.

С Леонор они встретились в небольшом городе Сория. Ему было 33, а ей только 15, поэтому до свадьбы пришлось ждать целый год. Любовь была взаимной, но у неё обнаружился скоротечный туберкулёз, и через три года Леонор умерла. Мачадо хотел покончить собой и никогда больше не женился. Леонор он посвятил цикл стихов «Дороги» и, косвенно, другие произведения.

Прошло 16 лет, и вдруг в поэзии столь сдержанного даже в самые счастливые и трагические моменты Мачадо звучали восторженные, даже выпретенные ноты. Стихи были посвящены Гиомар, и в течение 40 лет их настоящий адресат был фактически неизвестен. Только в конце 70-х годов, незадолго до своего 90-летия, Пилар де Вальдеррама написала свои воспоминания «Я – Гиомар» и передала в Национальную библиотеку 36 искромсанных и перечёркнутых (из 240) писем Мачадо к ней. Остальные она сожгла, когда переезжала с семьёй в Португалию в 1936г., подальше от гражданской войны.

Они встретились в 1928г. в Сеговии, и он сразу же в неё влюбился. Ему было 53 года, ей 38. Мать троих детей, неплохая поэтесса, она тогда узнала от мужа о его связи с молодой девушкой, только что покончившей собой. Интимный роман между Антонио и Пилар был недолгим. Она вернулась в Мадрид, он еженедельно писал ей письма и приезжал на свидания где-нибудь в кафе или на бульваре. Мачадо посвятил непосредственно Гиомар 13 стихотворений. Два последние она прочла уже после его смерти.

Antonio Machado

Del libro “Soledades. Galerías...”

La primavera besaba

La primavera besaba
suavemente la arboleda,
y el verde nuevo brotaba
como una verde humareda.
Las nubes iban pasando
sobre el campo juvenil...
Yo vi en las hojas temblando
las frescas lluvias de abril.
Bajo ese almendro florido,
todo cargado de flor
—recordé—, yo he maldecido
mi juventud sin amor.
Hoy, en mitad de la vida,
me he parado a meditar...
¡Juventud nunca vivida,
quién te volviera a soñar!

Anoche cuando dormía

Anoche cuando dormía

Антонио Мачадо

Из книги «Одиночества. Галереи...»

Весна поцеловала

Нежным весна поцелуем
коснулась рощи, юная зелень
снова ветви одела чаруя,
зелёной дымкой застлав, в апреле.
Шли облака и сияли
молодые всходы полей,
листья умывшись дрожали
в лёгкой прохладе дождей.
Но, помню, горькие думы
вдруг охватили меня:
как жить без любви? И угрюмо
шёл я среди миндаля...
Жизнь полпути завершает.
Думаю: «Юность, что так прошла,
кто ж тебя вновь пожелает,
если тогда не жила?»

Прошлой ночью мне снилось

А прошлою ночью мне снилось,

soñé ¡bendita ilusión!
que una fontana fluía
dentro de mi corazón.
Dí: ¿por qué acequia escondida,
agua, vienes hasta mí,
manantial de nueva vida
en donde nunca bebí?

Anoche cuando dormía
soñé ¡bendita ilusión!
que una colmena tenía
dentro de mi corazón;
y las doradas abejas
iban fabricando en él,
con las amarguras viejas,
blanca cera y dulce miel.

Anoche cuando dormía
soñé ¡bendita ilusión!
que un ardiente sol lucía
dentro de mi corazón.
Era ardiente porque daba
calores de rojo hogar,
y era sol porque alumbraba
y porque hacía llorar.

Anoche cuando dormía
soñé ¡bendita ilusión!
que era Dios lo que tenía
dentro de mi corazón.

Yo voy soñando caminos

Yo voy soñando caminos
de la tarde. ¡Las colinas
doradas, los verdes pinos,

(благословенен будь сон мой!) -
струя фонтаном забила
в сердце ночью порой.
Скажи, где родник был спрятан
живой воды, свежих сил
с весенних полей ароматом,
какой я раньше не пил?

А прошлую ночью мне снилось,
(благословенен будь сон мой!) -
семейка пчёл поселилась
в сердце ночью порой.
И золотые пчёлы
несли мне всю ночь напролёт
лет прежних горечью полный
воск белый и сладкий мёд.

А прошлую ночью мне снилось,
(благословенен будь сон мой!) -
солнце потоком излилось
в сердце ночью порой.
Как жарко пылало светило,
как сразу тепло стало мне,
и как оно ярко светило!
Я радостно плакал во сне.

А прошлую ночью мне снилось,
(благословенен будь сон мой!) -
мне Бог явился, как милость,
в сердце ночью порой.

Я иду, по пути размышляя

С утра в дороге. Зелёной
стеной сосны путь обступили,
холмов золотые склоны,

las polvorientas encinas!...
¿Adónde el camino irá?
Yo voy cantando, viajero
a lo largo del sendero...
-la tarde cayendo está-.
"En el corazón tenía
"la espina de una pasión;
"logré arrancármela un día:
"ya no siento el corazón".

Y todo el campo un momento
se queda, mudo y sombrío,
meditando. Suena el viento
en los álamos del río.

La tarde más se oscurece;
y el camino que serpea
y débilmente blanquea
se enturbia y desaparece.

Mi cantar vuelve a plañir:
"Aguda espina dorada,
"quién te pudiera sentir
"en el corazón clavada".

Caminante, no hay camino

“Caminante, son tus huellas
el camino y nada más;
Caminante, no hay camino,
se hace camino al andar.
Al andar se hace el camino,
y al volver la vista atrás
se ve la senda que nunca
se ha de volver a pisar.

дубы, седые от пыли...
Но куда же дорога ведёт?
Иду тропой, напевая
старинной песни слова я,
всё дальше, и день настаёт.
«Когда мне в сердце вонзился
шип страсти – блестящ и остёр,
я вырвал его, излечился,
но сердца не чую с тех пор». *)

И вдруг вокруг меня поле
стало мрачным, лишённым речи;
я слышал ветер, дотоле
он молчал в тополях у речки.

А день становился темнее;
и путь, что в тумане петляет
мутнеет, почти исчезает,
лишь едва предо мной белея.

Моя песня опять за своё:
«О шип золотой, разивший,
Как сделать, чтоб в сердце моё
вернул ты радость, вонзившись?».

*) эту песню в 19-м веке цитировала Розалия де Кастро

Путник, здесь нет дороги

«Путник, эти следы – твои,
и дороги другой не найти;
Путник, знай же: здесь нет дороги,
Здесь никто не шёл до тебя.
Пролагают дорогу ноги.
Станешь путь искать позади,
свои лишь следы увидишь;

Caminante, no hay camino
sino estelas en la mar.”

A un olmo seco

Al olmo viejo, hendido por el rayo
y en su mitad podrido,
con las lluvias de abril y el sol de mayo
algunas hojas verdes le han salido.

¡El olmo centenario en la colina
que lame el Duero! Un musgo amarillento
le mancha la corteza blanquecina
al tronco carcomido y polvoriento.

No será, cual los álamos cantores
que guardan el camino y la ribera,
habitado de pardos ruiseñores.

Ejército de hormigas en hilera
va trepando por él, y en sus entrañas
urden sus telas grises las arañas.

Antes que te derribe, olmo del Duero,
con su hacha el leñador, y el carpintero
te convierta en melena de campana,
lanza de carro o yugo de carreta;
antes que rojo en el hogar, mañana,
ardas de alguna mísera caseta,
al borde de un camino;
antes que te descuaje un torbellino
y tronche el soplo de las sierras blancas;
antes que el río hasta la mar te empuje
por valles y barrancas,
olmo, quiero anotar en mi cartera
la gracia de tu rama verdecida.

и ты вновь не проложишь их.
Путник, знай же: здесь нет дороги.
В море нет следов никаких».

К старому вязу

Вяз стар, расколот молнией, весь в гнили,
а голова склонилась.
Дожди апреля, солнце мая его оживили
и ветка листьями зелёными покрылась.

Он на холме стоит, а холм Дуэро лижет. *)
И беловатую кору ствола его местами
сквозь пыль мох оттеняет тусклорыжий,
изъеденную жадными червями.

Нет, он не станет, наравне с тополями,
что охраняют берега и дорогу,
домом, полным бурыми соловьями.

Словно войско, муравьи нога в ногу
будут взбираться на ствол, а в глубинах
пауки будут плести паутину.

О вяз Дуэро, прежде, чем тебя свалит
дровосек топором или плотник распятит
на кресте колокольном, на дышле тележном,
на ярме, или объятый пламенем жарким
станешь, вяз, ты углями красными; прежде,
чем сгоришь в очаге где-то в хижине жалкой
на самом краю дороги;
прежде, чем с вихрем в реку падёшь на пороги,
а дыхание белых гор сделает тебя льдиной;
прежде, чем река понесёт тебя к морю
через ущелья гор и долины,
вяз, я в своём блокноте описывать буду

Mi corazón espera
también, hacia la luz y hacia la vida,
otro milagro de la primavera.

Retrato

Mi infancia son recuerdos de un patio de Sevilla,
y un huerto claro donde madura el limonero;
mi juventud, veinte años en tierras de Castilla;
mi historia, algunos casos que recordar no quiero.
Ni un seductor Mañara, ni un Bradomín he sido
- ya conocéis mi torpe aliño indumentario -,
más recibí la flecha que me asignó Cupido,
y amé cuanto ellas puedan tener de hospitalario.
Hay en mis venas gotas de sangre jacobina,
pero mi verso brota de manantial sereno;
y, más que un hombre al uso que sabe su doctrina,
soy, en el buen sentido de la palabra, bueno.
Adoro la hermosura, y en la moderna estética
corté las viejas rosas del huerto de Ronsard;
mas no amo los afeites de la actual cosmética,
ni soy un ave de esas del nuevo gay-trinar.
Desdeño las romanzas de los tenores huecos
y el coro de los grillos que cantan a la luna.
A distinguir me paro las voces de los ecos,
y escucho solamente, entre las voces, una.
¿Soy clásico o romántico? No sé. Dejar quisiera
mi verso, como deja el capitán su espada:
famosa por la mano viril que la blandiera,
no por el docto oficio del forjador preciada.
Converso con el hombre que siempre va conmigo
- quien habla solo espera hablar a Dios un día -;
mi soliloquio es plática con ese buen amigo

грацию твоей тонкой зелёной ветви.
Моё сердце отсюда
тоже жаждет, стремясь к жизни и к свету,
ещё одного весеннего чуда.

*) Дуэро - река на Пиренейском полуострове

Портрет

Моё детство — это воспоминания о патио в Севилье
и о саде лимонных деревьев, где я часто гулял без дела;
двадцать лет моей юности прошли в землях Кастильи;
в моей жизни было и то, что я вспоминать не хотел бы.
Я не был ни маньярским соблазнителем, ни Брадомином *)
- ты знаешь, неуклюжей мою одежду всегда находили, -
но я получал стрелы, посланные в меня Купидоном,
и мне нравилось, насколько приветливы они были.
В моих жилах есть, конечно, капли яacobинской крови,
но мои стихи текут из источников безмятежных;
и, более, чем те, кто всегда остаётся рабом условий,
я, в хорошем смысле слова, человек хороший и нежный.
Я обожаю красоту и в современной эстетике,
но иногда я срезаю старые розы из сада Ронсара; **)
при том я не люблю макияж современной косметики,
я не из числа новых птиц, творцов лёгкого репертуара.
Я романсы пустых теноров от души презираю,
хор сверчков, поющих при луне, для меня – хаос.
Я прислушиваюсь, и от эха голоса отличаю,
и из них выделяю для себя только один голос.
Я классик или романтик? Не знаю, но мой стих желал бы
уйти, как капитан, что другим оставляет шпагу,
знаменитую мужественной рукой, что её держала,
а не благодаря ремеслу учёного кузнеца-мага.
Можно лишь надеяться однажды поговорить с Богом;
я же обращаюсь к тому, кто всегда со мной будет;
мой монолог - это разговор с этим хорошим другом,

que me enseñó el secreto de la filantropía.
Y al cabo, nada os debo; debéisme cuanto he escrito.
A mi trabajo acudo, con mi dinero pago
el traje que me cubre y la mansión que habito,
el pan que me alimenta y el lecho en donde yago.
Y cuando llegue el día del último viaje,
y esté al partir la nave que nunca ha de tornar,
me encontraréis a bordo ligero de equipaje,
casi desnudo, como los hijos de la mar.

De la serie “Caminos”

Señor, ya me arrancaste

Señor, ya me arrancaste lo que yo más quería.
Oye otra vez, Dios mío, mi corazón clamar.
Tu voluntad se hizo, Señor, contra la mía.
Señor, ya estamos solos mi corazón y el mar.

Dice la esperanza

Dice la esperanza: Un día
la verás, si bien esperas.
Dice la desesperanza:
Sólo tu amargura es ella.
Late, corazón... No todo
se lo ha tragado la tierra.

Soñé que tú me llevabas

который научил меня: нужно делать добро людям.
Хотя не я им должен, а они мне – я им стихи дарую.
Я иду на работу, творю и плачу своими деньгами
за костюм, который на мне одет, и за дом, где живу я,
за свой хлеб, за кровать, на которой лежу временами.
И когда придёт, наконец, день отплытия в вечность
на одном из плывущих туда навсегда кораблей,
вы найдёте меня на борту, среди прочих, конечно,
без вещей, почти голого, словно дети морей.

*) Дон Мигель де Маньяра (17-й век) из Севильи, ставший
праобразом дон Жуана,
маркиз де Брадомин, герой романа Р.М.дель Валье-Инклан
(1866-1936) «Сонаты»

***) Пьер де Ронсар – французский поэт (1524-1585)

Из цикла «Дороги»

Всё свершилось по воле Твоей, Создатель

Всё свершилось по воле Твоей, не моей, Создатель.
Господь, прислушайся к стонам в сердце моём.
Всё забрал Ты, Всевышний, что я так любил когда-то,
Остались, Боже, только море с сердцем вдвоём.

Надежда мне шепчет

Надежда мне шепчет: «Жди и надейся.
День придёт, увидишь её однажды!»
А безнадежность твердит: «Не слушай,
её уже нет. Осталась лишь горечь.
Нет смысла и поздно надеяться, сердце!»
Но, может, не всё поглощает могила...

Меня ты вела

Soñé que tú me llevabas
por una blanca vereda,
en medio del campo verde,
hacia el azul de las sierras,
hacia los montes azules,
una mañana serena.
Sentí tu mano en la mía,
tu mano de compañera,
tu voz de niña en mi oído
como una campana nueva,
como una campana virgen
de un alba de primavera.
¡Eran tu voz y tu mano,
en sueños, tan verdaderas!...
Vive, esperanza, ¡quién sabe
lo que se traga la tierra!

Una noche de verano

Una noche de verano
— estaba abierto el balcón
y la puerta de mi casa —
la muerte en mi casa entró.
Se fue acercando a su lecho
—ni siquiera me miró—,
con unos dedos muy finos,
algo muy tenue rompió.
Silenciosa y sin mirarme,
la muerte otra vez pasó
delante de mí. ¿Qué has hecho?
La muerte no respondió.
Mi niña quedó tranquila,
dolido mi corazón.
¡Ay, lo que la muerte ha roto
era un hilo entre los dos!

Меня ты вела – так мне снилось -
по белой широкой дороге
в просторах зелёного поля
к хребтам голубеющим съерры,
к вершинам, что в небе синели
спокойным и тихим утром.
В своей руке твою руку
я чувствовал, руку друга,
и голосок твой детский
звучал, как колокол новый,
колокол нежный и чистый,
рассветом весны пробуждённый.
Тепло твоих рук и твой голос...
Как-будто не сон это вовсе!
Живи же, надежда, быть может,
не всё поглощает могила.

Однажды летней ночью

Однажды летней ночью -
балкон тогда был открыт
и дверь была открыта -
Смерть тихо вошла в наш дом.
Она подошла к постели,
не бросив взгляда вокруг,
и что-то бессильное резко
порвала пальцем сухим.
Потом, не издав ни звука,
мимо меня прошла.
«Ты... здесь... что тебе нужно?»
А Смерть ни слова в ответ.
Мою девочку я не слышал,
но понял сердцем без слов,
что Смерть оборвала в тот миг
жизни нить между ею и мной.

Allá, en las tierras altas

Allá, en las tierras altas,
por donde traza el Duero
su curva de ballesta en torno a Soria,
entre plomizos cerros y manchas
de raídos encinares,
mi corazón está vagando, en sueños...
¿No ves, Leonor, los álamos
del río con sus ramajes yertos?
Mira el Moncayo azul y blanco;
dame tu mano y paseemos.
Por estos campos de la tierra mía,
bordados de olivares polvorientos,
voy caminando solo, triste,
cansado, pensativo y viejo.

* * *

Canciones a Guiomar

I

No sabía
si era un limón amarillo
lo que tu mano tenía,
o el hilo de un claro día,
Guiomar, en dorado ovillo.
Tu boca me sonreía.
Yo pregunté: ¿Qué me ofreces?
¿Tiempo en fruto, que tu mano
eligió entre maduresces
de tu huerta?
¿Tiempo vano
de una bella tarde yerta?
¿Dorada esencia encantada?

Туда, в высокогорье

Туда, в высокогорье, где Дуэро,
вокруг Сорьи круто изгибаясь,
как арбалета лук, из съерры
течёт между свинцовыми холмами
и пятнами зелёных рощ дубовых, -
туда во сне стремится моё сердце.
Ты видишь, Леонор, столпились
там тополя с засохшими ветвями,
а дальше – сине-белый пик Монканьо.
Иди со мной, скорее дай мне руку...
Через поля моей земли пустые
и пыльные оливковые рощи
один бреду я грустный и усталый,
совсем один – задумчивый и старый.

* * *

Стихи к Гиомар

I

Не знаю, что это
в руке у тебя блеснуло:
жёлтый лимон, клубок лучей света,
утром весенним согретый?
Гиомар, ты лицо ко мне повернула,
и оно озарилось приветом.
Я спросил: что ты мне предлагаешь?
Время в плодах, что своими руками
ты в саду собираешь,
вечное время,
застывшее вместе с плодами,
сгустившими сумрак и тени?
Или вечера очарованье

¿Copla en el agua dormida?
¿De monte en monte encendida,
la alborada
verdadera?

¿Rompe en sus turbios espejos
amor la devanadera
de sus crepúsculos viejos?

II

En un jardín te he soñado,
alto, Guiomar sobre el río,
jardín de un tiempo cerrado
con verjas de hierro frío.

Un ave insólita canta
en el almez, dulcemente,
junto al agua viva y santa,
toda sed y toda fuente.

En ese jardín, Guiomar
el mutuo jardín que inventan
dos corazones al par,
se funden y complementan
nuestras horas. Los racimos
de un sueño -juntos estamos-
en limpia copa exprimimos,
y el doble cuento olvidamos.

(Uno: Mujer y varón,
aunque gacela y león,
llegan juntos a beber.

El otro: No puede ser
amor de tanta fortuna:
dos soledades en una,
ni aun de varón y mujer.)

*

Por ti la mar ensaya olas y espumas,
y el iris, sobre el monte, otros colores,

на глади пруда и сиянье
первых вздохов зари, трепетанье
на вершинах гор утром ранним?
... Или, может быть, только -
в зеркалах потускневших -
отраженье осколков
сумерек дней отлетевших?

II

Я видел тебя сквозь веки
во сне, Гиомар, в глуби сада.
Там замкнуто время навеки
холодной чугунной оградой.
Там птица поёт над рекою,
так сладостна в ноте каждой,
над святою живою водою, -
она и источник, и жажда.
И в этом саду, Гиомар,
который два сердца создали, -
для нас создали, как дар, -
мы вместе с тобой выжимали
сна грозди в хрустальную чашу,
делили, расставшись со всеми,
в саду зачарованном нашем
давно отстранённое время.
(Один говорит: как серна и хищный зверь,
так женщина и мужчина, поверь,
идут к одному водопою,
хотя и разной тропою.
Другой: Не поможет любовь,
лишь два одиночества вновь
двое, что стали плотью одною.)

*

Лишь для тебя творит море волны и пену, верь мне.
Лишь для тебя горы радугой утром пылают.

y el faisán de la aurora canto y plumas,
y el búho de Minerva ojos mayores.
Por ti, ¡oh Guiomar!...

III

Tu poeta
piensa en ti. La lejanía
es de limón y violeta,
verde el campo todavía
Conmigo vienes Guiomar;
nos sorbe la serranía.
De encinar en encinar
se va fatigando el día.
El tren devora y devora
día y riel. La retama
pasa en sombra; se desdora
el oro del Guadarrama.
Porque una diosa y su amante
huyen juntos, jadeante,
los sigue la luna llena.
El tren se esconde y resuena
dentro de un monte gigante.
Campos yermos, cielo alto.
Tras los montes de granito
y otros monte de basalto,
ya es la mar y el infinito.
Juntos vamos; libres somos.
Aunque el Dios, como en el cuento
fiero rey, cabalgue a lomos
del mejor corcel del viento,
aunque nos jure violento,
su venganza,
aunque ensille el pensamiento,
libre amor, nadie lo alcanza.

Лишь для тебя фазан распускает пёстрые перья
и сова Миневры большие глаза открывает.
Для тебя, о Гиомар!

III

Твой поэт не может
о тебе не думать. Предо мною
всё лимонно.. и фиолетово тоже,
лишь поля ещё светят зеленой листвою.
Гиомар, ты со мной, дорогая;
предгорья хотят поглотить нас, похоже.
За вагонным окном дубовые рощи мелькают,
день устал их считать. Вечер ближе.
Поезд рельсы, часы и кусты пожирает.
Непрерывно меняется панорама.
Солнце клонится к западу, тает
и тускнеет золото гор Гвадаррамы.
Потому что богиня с любовником рядом
убегают от всех, и сердца их так рады.
Луна запыхавшись за поездом мчится. Стемнело,
Поезд тянется в недрах горы, он в тоннеле,
стук колёс его громким таким раньше не был...
И опять необъятность полей и высокое небо.
За горами гранитными, простоявшими вечность,
встали горы базальта и справа и слева...
Вот и море уже, и уже бесконечность.
Вместе едем мы; оба сейчас свободны.
Если б Бог, как жестокий король из рассказа,
на лихом скакуне своём, ветру подобном,
за двумя беглецами в погоню отправился сразу
и, догнав, покарать нас жестоко поклялся,
даже если бы Он для погони,
саму мысль оседлал и помчался,
Он свободной любви никогда не догонит.

*

Hoy te escribo en mi celda de viajero,
a la hora de una cita imaginaria.
Rompe el iris al aire el aguacero,
y al monte su tristeza planetaria.
Sol y campanas en la vieja torre.
¡Oh tarde viva y quieta
que opuso al "panta rhei" su "nada corre",
tarde niña que amaba a su poeta!
¡Y día adolescente
-ojos claros y músculos morenos-,
cuando pensaste a amor, junto a la fuente,
besar tus labios y apresar tus senos!
Todo a esta luz de abril se transparenta;
todo en el hoy de ayer, el Todavía
que en sus maduras horas
el tiempo canta y cuenta,
se funde en una sola melodía,
que es un coro de tardes y de auroras.
A ti, Guiomar, esta nostalgia mía.

Otras canciones a Guiomar

A la manera de Abel Martín y de Juan de Mairena

I

¡Sólo tu figura,
como una centella blanca,
en mi noche oscura!

*

*

Сегодня я пишу тебе в вагоне. Мой попутчик -
мечты о встрече, что завтра нас ожидает.
На небе радуга рассеивает тучи
и скорбь всемирную с вершин хребта стирает.
Мелькают колокольни, перелески,
весь вечер так хорош - живой, беспечный,
младенец-вечер, всё поэту здесь так близко,
он «panta rhei» *) заменить решил на «всё навечно»!
И день-подросток утром -
смуглый телом, со взглядом ясным и бездонным...
и я мечтаю о любви в саду уютном...
и целовать, и грудь твою держать в ладони!
И в этом чуде призрачном апреля,
в сегодняшнем вчера, в мечтах поэта,
в поэме вечной жизни, новых восходов,
природа и душа согласно пели,
в одну мелодию сливаясь сна и света,
в единый хор закатов и восходов.
Лишь по тебе, о Гиомар, вся ностальгия эта.

*) panta rhei (лат.), Πάντα ῥεῖ (др.греч.) – «всё течёт» -
выражение, приписываемое философу Гераклиту

Другие стихи к Гиомар

В манере Абея Мартина и Хуана де Майрена

I

Твой образ один лишь,
как яркая вспышка звезды
в моей тёмной ночи!

*

¡Y en la tersa arena,
cerca de la mar,
tu carne rosa y morena,
súbitamente, Guiomar!

*

En el gris del muro,
cárcel y aposento,
y en un paisaje futuro
con sólo tu voz y el viento;

*

en el nácar frío
de tu zarcillo en mi boca,
Guiomar, y en el calofrío
de una amanecida loca;

*

asomada al malecón
que bate la mar de un sueño,
y bajo el arco del ceño
de mi vigilia a traición,
¡siempre tú!

Guiomar, Guiomar,
mírame en ti castigado:
reo de haberte creado,
ya no te puedo olvidar.

II

Todo amor es fantasía;
él inventa el año, el día,
la hora y su melodía;
inventa el amante y, más,
la amada. No prueba nada,
contra el amor, que la amada
no haya existido jamás.

III

И на гладком песке белом,
возле моря, как в сердце удар, -
твоё тело, розовое, загорелое,
неожиданно, Гиомар!

*

В тесных стенах, где пыль скопилась,
в тюрьме, в любом месте на свете,
везде, где б мне быть не случилось,
только голос твой будет и ветер.

*

Холодный жемчуг серьги твоей
во рту моём воспламенённом,
терпкий вкус её, дрожь костей,
безумство зари заоконной;

*

Над молом тоски и средь бури снов,
неясных, несвязных видений,
под мрачным сводом гнетущих сомнений
и измен бессонных часов,
Гиомар, Гиомар!

Только ты.

Посмотри, как тобой я наказан:
ведь тебя сотворил мой разум
и не в силах забыть мечты.

II

Любовь фантазирует, как известно;
Сама выберет год уместный,
день и час, придумает песню;
любовника изобретёт и сразу
ему подругу-любовницу вслед.
Только не говорите, что всё это бред,
и не бывало ни разу.

III

Escribiré en tu abanico:
te quiero para olvidarte,
para quererte te olvido.

IV

Te abanicarás
con un madrigal que diga:
en amor el olvido pone la sal

V

Te pintaré solitaria
en la urna imaginaria
de un daguerrotipo viejo
o en el fondo de un espejo,
viva y quieta,
olvidando a tu poeta

VI

Y te enviaré mi canción:
“Se canta lo que se pierde”,
con un papagayo verde
que la diga en tu balcón

VII

Que apenas si de amor el ascua humea
sabe el poeta que la voz engola
y, barato cantor, se pavonea
con su pesar o enluta su viola;
y que si amor da su destello, sola
la pura estrofa suena,
fuente de monte, anónima y serena.

Я на веере твоём напишу:
Я люблю тебя, чтоб позабыть,
и чтоб полюбить тебя, забываю.

IV

Мадригал
На веере твоём гласит:
в любви забвение добавляет соль

V

Тебя представлю я изображённой
на тени вазы мной воображённой
на старом фото (памяти последней)
или в углу на зеркале в передней:
живи спокойно, будь в ладах со светом,
не вспоминай, забывшая поэта

VI

Сочинит тебе песню поэт,
передаст с попугаем зеленым,
что сейчас у тебя на балконе
повторяет: «О прошлом поёт!»

VII

Пока любовь едва лишь мерцает
и, как уголёк на поленьях, дымится,
поэт, дешёвый певец, бряцает
на арфе своей и тоскою томится.
Но, как только в сердце любовь разгорится,
извергнутся звуки источником нежным,
ручьём безымянным и безмятежным.

Bajo el azul olvido, nada canta,
ni tu nombre ni el mío, el agua santa.
Sombra no tiene de su turbia escoria
limpio metal; el verso del poeta
lleva el ansia de amor que lo engendrara
como lleva el diamante sin memoria
-frío diamante- el fuego del planeta
trocado en luz, en una joya clara...

VIII

Abre el rosal de la carroña horrible
su olvido en flor, y extraña mariposa,
jalde y carmín, de vuelo imprevisible,
salir se ve del fondo de una fosa.
Con el terror de víbora encelada,
junto al lagarto frío
con el absorto sapo en la azulada
libélula que vuela sobre el río,
con los montes de plomo y de ceniza,
sobre los rubios agros
que el sol de mayo hechiza.
se ha abierto un abanico de milagros
-el ángel del poema lo ha querido-
en la mano creadora del olvido...

Dos sonetos

I

Perdón, Madona del Pilar, si llego
al par que nuestro amado florentino,
con una mata de serrano espliego,
con una rosa de silvestre espino.

Под синим небом забвенья и тиши
имён наших, пенья ручья не услышишь,
но так же, как в слитке нет примеси шлака,
а только чистый металл благородный,
как в ракушке скрыто жемчужин сиянье
и как тепло бриллианта из мрака
несёт, сохраняя, алмаз холодный,
так песня поэта – кристалл желанья...

VIII

Он под слоем опавшей листвы и среди перегноя
расцветающий розовый куст различает,
видит яркую бабочку, чей полёт ещё непредсказуем,
она только сейчас его начинает.
За змеёй затаившейся, злобной, ужасной,
За холодной лягушкой, что будто ослепла,
стрекозы он увидит паренье прекрасной,
за горами свинца ледяного и пепла -
золотистое поле, залитое светом
бесконечного солнца весёлого мая.
Он – поэт, высоко он поднялся над светом,
Он творит вдохновенно, себя забывая,
Он бессчётные нам чудеса открывает
в откровенье стиха, что от нас ускользает...

Два сонета

I

О Мадонна-дель-Пилар, прости мне, *)
если я, как флорентиец, так любимый нами, **)
в тот же час приеду, как и он, и ныне,
как всегда, с простыми горными цветами.

¿Qué otra flor para ti de tu poeta
si no es la flor de la melancolía?
Aquí, sobre los huesos del planeta
pule el sol, hiela el viento, diosa mía,

¡con qué divino acento
me llega a mi rincón de sombra y frío
tu nombre, al acercarme el tibio aliento

de otoño el hondo resonar del río!
Adiós: cerrada mi ventana, siento
junto a mi un corazón... ¿Oyes el mío?

II

De mar a mar entre los dos la guerra,
más honda que la mar. En mi parterre,
miro a la mar que el horizonte cierra.
Tú, asomada, Guioamar, a un finisterre,

miras hacia otro mar, la mar de España
que Camoens cantara, tenebrosa.
Acaso a ti mi ausencia te acompaña.
A mí me duele tu recuerdo, diosa.

La guerra dio al amor el tajo fuerte.
y es la total angustia de la muerte,
con la sombra iracunda de tu llama

y la soñada miel de amor tardío,

И с каким цветком поэт придёт к Мадонне?
С меланхолии цветком печальным синим.
На костях планеты он был ветром сломлен,
солнцем иссушён, моя богиня.

Вот сад, именем твоим благословенный,
О, с каким неописуемым блаженством
нахожу я уголок мой сокровенный!

Звуки осени в реке находят место...
... До свидания. Я закрыл окно. Мгновенно -
рядом сердце ... Слышишь, Совершенство?

*) Мадонна дель Пилар - Святая Дева Мария, как покровительница
Испании, и, в то же время, Пилар – имя де Вардеррама, в которую
поэт был влюблён

***) По-видимому, намек на Данте Алигьери

II

Здесь от моря до моря война оцетинилась фронтом
глубже моря. В саду моём тихом, уснувшем
я смотрю на море, очерченное горизонтом.
А ты, Гиомар, идёшь по крайнему берегу суши. *)

На другое море Испании смотришь горестным взглядом,
о которой Камознс *) когда-то пел удручённый.
Может быть, я сейчас, бестелесный, стою с тобой рядом,
о тебе вспоминаю, богиня, и память страдает бессонно.

Нанесла война рану любви, тяжёлую рану,
и во мне горечь смерти, пришедшей так рано,
и любви к тебе негасимое яркое пламя

слиты с мёдом сладким любви запоздалой,

y la flor imposible de la rama
que ha sentido del hacha el corte frío.

Pilar Varderrama (1889-1979)

с пониманьем ясным, что ветке не время
расцветать, когда тень топора над ней встала.

*) На краю земли - finisterre. Мыс Финистерре располагается в Португалии и является самой западной точкой Европы. Название мыса - это копия пары латинских слов: finis - конец и terrae - земля. Пилар Вардэррама была в это время в Португалии.

***) Луис де Камонс (1525-1580) - величайший португальский поэт эпохи Возрождения.

Леонор Искьердо Куэвас (1894-1912)